

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 3-го Октября 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10106.

Же во-время.

Не доѣзжая нѣсколько станцій до дома, Михаилъ Семеновичъ еще разъ перечиталъ письмо жены, полученное дорогой.

Уютнымъ тепломъ пахнуло на него съ тонкихъ страницъ, исписанныхъ мелкимъ, неровнымъ почеркомъ, для него четкимъ и красивымъ. Онъ улыбнулся немного фатоватой улыбкой. Какъ его ждутъ! Сколько любви и тревоги! Семейная жизнь, которой онъ былъ лишенъ почти два мѣсяца, рисовалась ему въ самомъ очаровательномъ свѣтѣ... Мелкія дрягги, ссоры изъ за лишнихъ расходовъ, небрежность прислуги, капризы дѣтей, ревность жены, все забылось. Онъ теперь вспоминалъ только сердечные ласки Лизы, веселые голоса ребятишекъ, вкусный ужинъ, мягкую постель и свѣжее бѣлье. Онъ не вышелъ на большой станціи съ буфетомъ, такъ хорошо ему было мечтать и предвкушать близкую радость.

— „Мало цѣнилъ я все это“,— думалъ Михаилъ Семеновичъ, глядя въ темное окно вагона, на которое то и дѣло налетали крупныя снѣжинки, налета и, прикали на секунду къ стеклу и снова исчезали въ темнотѣ, — „два мѣсяца скитаній по незнакомымъ городамъ, по грязнымъ, шумнымъ гостинницамъ, постели съ шишковатыми матрацами и клопами, обѣды съ подогрѣтымъ жаркимъ и жидкимъ супомъ, мимолетные знакомые съ ихъ притворной любезностью, все это ясно показало мнѣ, что только дома и можетъ быть хорошо, что только въ своей семье можно найти надежную пристань“.

Такъ думалъ Михаилъ Семеновичъ и самъ любовался плавностью своихъ мыслей.

— „Надо запомнить и повторить Лизѣ она будетъ ужасно довольна. Она всегда въ восторгѣ, когда похвалишь ее за порядокъ, за домъ витость, когда назовешь примѣрной хозяйкой. Кроткая, женственная натура! Все ея счастье въ домѣ, въ семье! Надо ее побольше баловать, почаще повторять ей, какъ я цѣню ея любовь и заботы“...

Съ такими намѣреніями Михаилъ Семеновичъ простился довольно небрежно съ дорожными спутниками, и, усѣвшись на первого подвернувшагося извозчика, поѣхалъ домой по темнымъ, кривымъ улицамъ невзрачного города.

Въ это время въ маленькому, недавно купленномъ домѣ, у хозяйки, Елизаветы Ниловны, шла необычайная суeta.

Въ крошечной кухнѣ, гдѣ и днемъ приходилось зажигать лампу, кухарка ожесточенно чистила самоваръ, въ спальней няня, добродушная, богомольная старушка, подметывала одѣяло чистой простыней. Дѣти сидѣли въ столовой и не спускали глазъ съ матери.

Л. А. Кассо.

Новый министръ народного просвѣщенія.

Л. М. Маціевичъ.

Трагически погибшій воздухоплаватель.

Елизавета Ниловна, въ старомъ, полинявшемъ капотѣ, который давно собирался распороть на „тряпки“, заучивъ рукава, мыла въ большомъ тазу серебрянныя ложки. Проворно работая бѣлыми руками съ ямочками у локтей, она говорила звонкимъ, молодымъ голосомъ.

— Эти ложки мнѣ подарила покойная мама, когда ты, Саша, родился — рассказывала она, не отрывая глазъ отъ работы.— Мама сказала мнѣ, что хотя принято дарить на платье, но платье износится, а серебро никогда! Я очень довольна... Добрая она у меня была!.. Какъ я плакала, когда она скончалась... Если-бы не вашъ папа, кажется, во

вѣкъ бы не утѣшилась... Вася! — вдругъ прервала она свой разсказъ, — что ты дѣлаешь! Молоко прольешь! Шалуны! Сиди смироно!

Она спокойно вытерла руки и налила дѣтямъ молока.

— Мама! Когда же ужинать? — спросилъ старшій мальчикъ, хватая ее за руку.

— Сегодня ужина не будетъ, Саша, — шокъ. Пейте молочко съ хлѣбомъ вотъ сухари. Завтра, знаешь, папа пріѣдетъ, все будетъ у насъ. Куличъ испечемъ, индѣйку зажаримъ, кремъ сдѣлаемъ, пирожки съ капустой...

— Мама, я хочу пирожка! — надувъ румяныя губки, тянулъ младшій мальчикъ.

— Нельзя, Вася, нельзя! Пирожки еще не готовы, и безъ папы мы ихъ кушать не станемъ.

— Маленький кусочекъ! — капризно просилъ мальчуганъ, разводя пальцемъ по столу пролитое молоко.

— Ахъ, Вася, развѣ такъ можно! — мать схватила его грязную рученку и принялась вытирать. — Что папа нашъ скажетъ? Ахъ, дѣточки вы мои! Кабы вы только знали какъ я рада, что папа скоро пріѣдетъ! Соскучилась я безъ него...

— Тебѣ папа что привезетъ? — полюбопытствовалъ Саша.

— Да не все ли равно! — разсмѣялась Елизавета Ниловна. — Самъ то бы только пріѣхалъ! Измаялся, дорогой мой, по гостинницамъ да по вагонамъ. Грязь, шумъ, беспокойство! Ужъ мы то его ублажимъ, согреемъ, накормимъ.

— Мнѣ бы хотѣлось ружье, — прервала ея мечты Саша, — настоящее, чтобы пистонами стрѣляло.

Елизавета Ниловна кончила свою возню съ ложками и съ минуту любовалась ихъ блескомъ, потомъ поставила тазъ на полъ и достала изъ шкапа солонки.

— Миша всегда ворчить, что соль комками, — вспомнила она и принялась вытряхивать соль на тарелку.

— Вы что же это, матушка, соль то сыплете? Али ссоры захотѣлись? — за-ворчала въшедшая няня. — Не къ добра затѣяли! Пріѣдетъ нашъ баринъ сердитый.

— Полно, воркуша! — ласково проговорила Елизавета Ниловна.

— Сама подумай — на что ему сердиться? Чисто, тепло, обѣдъ его любимый, а ужъ встрѣтимъ то какъ! Гдѣ же тутъ сердиться?

Нѣжно улыбалась Елизавета Ниловна, и глаза ее горѣли радостью. Няня залюбовалась ею.

— Ишь ты, разрумянилась какъ! — съ искреннимъ одобрениемъ, сказала она. — Старалась тоже, хозяйка. Отдохнуть пора, да и дѣткамъ тоже Вонъ, Васюточка спить совсѣмъ, молодецъ!

Няня осторожно взяла на руки трехлѣтняго Васю, задремавшаго за столомъ. Бѣлокурая головка мальчика безпомощно повисла и склонилась на плечо старухи.

АРТИСТЫ ТЕАТРА „ГОЛУБОЙ ГЛАЗЪ“.

А. А. Демидова.

Е. М. Кальверт.

В. Н. Струйская.

— Умаялся, сердечный! Ну, пойдем...
Елизавета Ниловна прошла в спальню, где была уже приготовлена постель Михаила Семеновича съ бѣло-сѣжнымъ бѣльемъ и высоко взбитыми подушками, и случайно заглянула въ зеркало. Взглянула на себя и невольно разсмѣялась. Ея густые, непокорные волосы растрепались, и пряди ихъ, выбившись изъ прически, падали ей на лобъ, лѣзли въ глаза. Надѣ верх-

ней губой была полоса мѣла, кото-
рымъ она чистила серебро, одна пуговица кашта болталась на нигожкѣ.

— Хороша! — вслухъ проговорила она и съ удовольствиемъ оглянулась на приготовленное къ завтра свѣженькое, дешевое платье.

Въ передней раздаются громкій, рѣз-
кий звонокъ.

— Телеграмма! — подумала она и побѣжалась въ переднюю.

— Оставь, шалунъ! — крикнула она на Сашу, который прескокойно наливалъ молоко въ пустыя солонки, и, грозя ему пальцемъ, отворила дверь въ переднюю, куда уже пробѣжалась кухарка.

Высокій, облѣпленный снѣгомъ муж-

А. Б. Данаровъ.

Е. И. Чигринский.

А. П. Троицкий.

чина схватилъ ее и крѣпко прижалъ къ ходоchnой, мокрой шубѣ.

— Миша! Прѣхалъ! Голубчикъ мой! — радостно воскликнула она и, не помня себя, обнимала мужа, тянулась къ его лицу, ловила его руки.

Михаиль Семеновичъ былъ искренне тронутъ. У него навернулись слезы, и онъ не сразу могъ отвѣтить на беспорядочные, торопливые разспросы жены.

— Здоровъ! Все устроилъ! А вы? Невредимы? — спросилъ онъ, наконецъ, освободившись отъ верхней одежды. — Ну, става Богу, добрался...

— Папа! Папа! — визжала Саша, хватаясь за ноги отца.

— Ахъ ты, малышъ мой!

Высоко поднялъ Михаиль Семеновичъ сына и, крѣпко расцѣловавъ его пухля щечки, снова опустилъ на полъ.

— Вотъ я и дома! — сказалъ онъ, весело потирая руки. — Даже не вѣрится! Усталъ, измучился... Тряска, сквозники, скука!.. Недосыпалъ, недоѣдалъ, голоденъ какъ собака. Ну, женка милая, хлопочки, корми пущештеника... Все, что есть, давай, съѣмъ и еще попрошу, — говорилъ Михаиль Семеновичъ, вхлѣдъ въ голову и не замѣчая поблѣдѣвшаго, испуганного лица жены.

— А мясо? — робко спросила Елизавета Ниловна.

— Мясо то есть, да коломъ замерзло. Индѣйка тоже въ чуланѣ вѣсит...

Елизавета Ниловна недослушала, Медленными шагами вернулась она въ столовую. Мужъ встрѣтилъ ее во просительнымъ взглядомъ. Онъ успѣлъ замѣтить тазъ съ мыльной водой на полу, пустыя тарелки на столѣ и крошечный кусочекъ хлѣба въ корзинѣ. Мечты о вкусномъ, горячемъ ужинѣ, начинали исчезать...

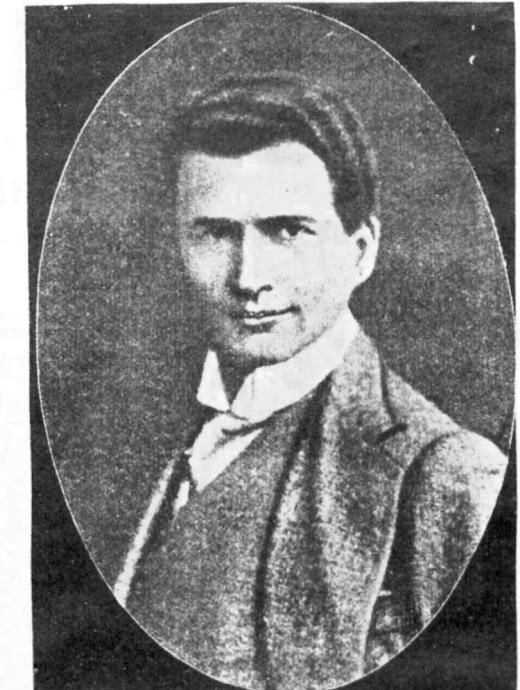
— Развѣ ты не ждала меня? — сухо спросилъ онъ, и какъ далекъ быть этой короткій, холодный вопросъ отъ нѣжныхъ рѣчей, которая онъ сочинялъ дорожай.

— Я ждала тебя завтра, съ почтой, какъ ты писалъ... я готовилась... чистила, прибира тата... — виновато сознавалась жена.

— И, кажется, вовсе не рада, что я прїѣхалъ сегодня со скорымъ! По пословицѣ — гость не во время хукаетъ татарина... — сердито перебилъ онъ. — Однако, оставимъ это, не стоитъ сориться изъ за такихъ пустяковъ. Дѣтай, что есть, закушу и на боковую.

— Да ничего нѣтъ.

Большого усилія стоило Елизаветѣ Ниловнѣ произнести эти слова, и сле-

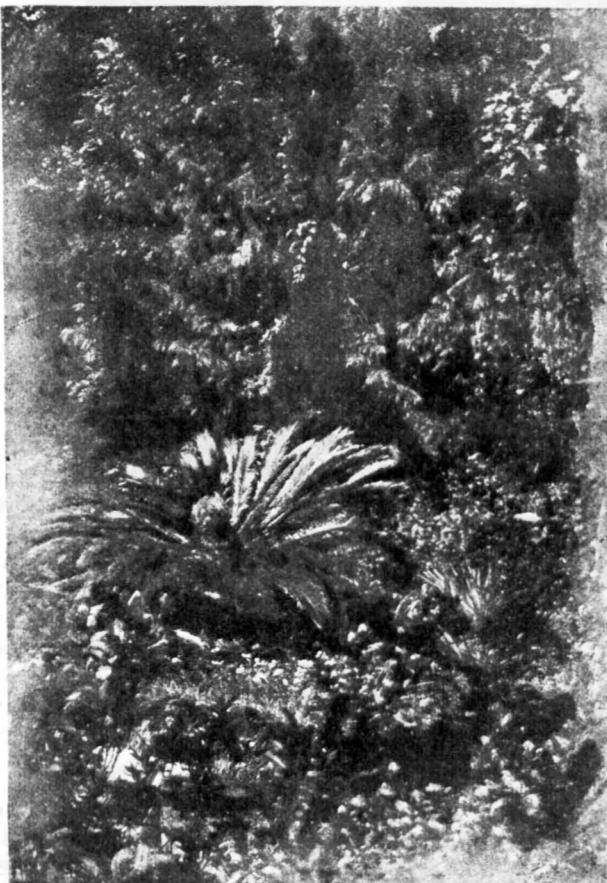

Адамо Дибуръ.

Всемирный бѣсъ, единственный концертъ котораго состоится 4 октября, въ театре Муссера.

Бамбуки „Мосо“ въ имѣніи Чаква

Цвѣтущій женскій экземпляръ Саговика

стаю? Грязь, безпорядокъ, неодѣтая, сердитая... Стоило жениться!

— Да пойми ты, что я не могла знать! Я ждала завтра, какъ ты писалъ! — въ отчаяніи крикнула Елизавета Ниловна и ударила маленькимъ, скатымъ кулакомъ по грязному столу.

— Читать разучилась? Въ телеграммѣ, кажется, ясно сказано было: со скорымъ!

— Не получала я никакой телеграммы.

— И такъ могла догадаться. Я минуты лишней не промѣшкать. Въ Харьковѣ какъ меня вѣсѣ удерживали! У Земинихъ для меня вечеръ хотѣли устроить... Они нарочно изъ имѣнья поросенка выписали, цвѣтной капусты!..

— Ну, и пѣтъ назадъ!

— Такъ бы и слѣдовало, чтобы пролучить хорошенько! Всего и дѣла, что за хозяйствомъ смотрѣть, того не можешь! Мужъ работаетъ, какъ каторжникъ, покоя не знаетъ, домой прѣхалъ, ни куска, ни слова ласковаго! Изъ за тебя же, матушка, два мѣсяца маялся, для тебя же деньги зарабатывалъ...

— Никто не знаетъ, гдѣ ты былъ и что дѣлалъ! Я за тобой не слѣжу! Мо-

зы тотчасъ неудержимо закапали у нея изъ глазъ.

— Ну, кусокъ хлѣба, черстваго пирога, старую котлетку, яичко, наконецъ, чаю съ булкой... — нетерпѣливо перечислялъ Михаиль Семеновичъ.

Она отрицательно качала головой,

— Ничего нѣтъ. Завтра будешь индѣйка, пирожки съ капустой, разсольникъ, куличъ, — въ свою очередь квось слезы называла она.

— Да чортъ ли мнѣ въ завтра! — окончательно вспылилъ онъ. — Я сейчасъ ѳѣть хочу! Чего ты меня разговариваю угощаешь! Я лучше въ трактире

пойду... Вотъ и изволь любить семью, стремиться домой! Хорошъ прѣемъ, нечего сказать, накормить даже не могу гуага человѣка!

— А я то чѣмъ виновата! Я ждала завтра! — оправдывалась Елизавета Ниловна, начиная рыдать.

— А то, дуракъ, размечтался! Ночь въ вагонѣ провелъ, торопился... На послѣдней большой остановкѣ даже не вышелъ закусить, всѣмъ хвасталъ, какъ меня дома встрѣтилъ... Точно гимнастъ на канату вѣхалъ... гнѣвно высказывалъ всѣ свои обиды Михаиль Семеновичъ. — Прѣхалъ, и что же за-

жеть быть, отличнѣ развлекался, о семье и думать забылъ... Я тутъ каждый грошъ берегла, съ дѣтьми день и ночь возилась, покоя не знала, а ты...

— Что жъ я? Купилъ по твоему? И дернула меня нелегкая жениться! Сестра всегда говорила мнѣ, что петлю на шею надѣяла...

— А меня мама со слезами умоляла не выходить за тебя!

— Прощай! Поѣду въ „Европейскую“, тамъ накормятъ.

Михаиль Семеновичъ схватилъ еще невысохшую шапку и злобными, твер-

дыми шагами направился въ переднюю. Елизавета Ниловна бросилась на диванъ и, зарывшись головой въ подушки, заплакала такъ громко, что перепуганная няня высунулась въ дверь и зашикала на нее.

— Тише, матушка! Чтой-то! Васю разбудите, да и Сашенька прибѣжалъ въ дѣтскую, дрожитъ инда отъ страха!

Михаилъ Семеновичъ круго повернулся къ старухѣ.

— Спрашивали васъ? Еще замѣчаній недоставало! Заприте лучше за мной! Это невыносимъ!

Онъ накинулъ висѣвшее въ передней пальто и сердито рванулъ наружную дверь. За ней стоялъ закутанный башлыкомъ, занесенный снѣгомъ телеграфистъ.

— Не дозвонишься у васъ! — хрипло проворчалъ онъ, подавая депешу.— Сколько времени стою, голоса слышно, а никто не идетъ.

Точно обдало холодной водой Михаила Семеновича. Онъ взялъ телеграмму, расписался, даль на чай и медленными шагами вернулся въ сто-

Л. Меньшиковъ.

Бывшій чиновникъ охранной полиції, собирающійся печатать огромный разоблачительный материалъ.

Квартирная хозяйка. Вы серьезно хотите съезжать съ квартиры? Не останетесь долѣ?

Квартирантъ (приподнимая картину и показывая на клоповъ) я не люблю живыхъ картины.

„Fieg. Bl.“.

Кухарка (по пути съ базара). Пройдемте, барыня, мимо казармъ. Тамъ на часахъ стоитъ мой.

Хозяйка. Такъ что жъ тутъ такого?

Кухарка. Ахъ, барыня, если по близости не будетъ начальства—онъ намъ сдѣлаетъ на карауль.

„Fieg. Bl.“.

ловую, гдѣ жена, съ непросохшими слезами на щекахъ, стояла, внимательно прислушиваясь.

— Ты можешь убѣдиться теперь, что я былъ въполномъ правѣ ожидать иного приема,—мягко и виновато сказъ онъ, подавая ей развернутую депешу.

— Ты видишь, что я не могла знать часа твоего приѣзда, не получивъ во время твоей телеграммы, — также мягко проговорила она, а голова ея помимо воли уже склонялась къ его плечу, и губы складывались въ улыбку.

Онъ крѣпко обнялъ ее и провель рукой по ея горячemu лбу.

— Ты не поѣдешь въ „Европейскую“? — едва внятно спросила она.

— Одинъ—ни за что! А вмѣстѣ—съ восторгомъ!

Она быстро освободилась изъ его объятій.

— Я въ одну минутку,—распуская

на ходу волосы, крикнула она и исчезла въ спальней.

Онъ прошелся по комнатѣ, покачалъ головой улыбнулся.

— Миша! Скажи правду—ты не жалѣешь, что женился на мнѣ? — спросила она, выглядывая въ дверь.

Онъ громко разсмѣялся.

— Если ты не будешь готова черезъ пять минутъ, начну жалѣть.

Голова ея тотчасъ же скрылась.

Онъ еще разъ прошелся кругомъ неприбранныго стола, съ котораго няня подбирала разсыпанную соль, и вдругъ, остановясь около старухи, ласково потрепалъ ее по сгорблленной спинѣ и неожиданно для самого себя сказалъ:

— Жалѣй, не жалѣй, теперь все равно! Такъ, вѣдь, няничка...

М. Межакова.

ЖЕЛАНИЕ.

Я приду къ тебѣ вечеромъ грустнымъ, ненастнымъ,
Я хочу тебя видѣть безумно несчастнымъ;

Пусть не будетъ большой равнодушной тоски

Я хочу видѣть раны разбитой души...
Пѣсней грезы хочу убаюкать тебя,
Убаюкать, какъ мать—дорогое дитя,

Слышать стоны твоей наболѣвшей души,

Слышать мысли, волненія въ мертвотиши.

Я уйду на разсвѣтъ волшебного дня;
Будеть спѣта, окончена пѣсня моя.
Ты проснешься для счастья далекой мечты,

Для борьбы за идею добра, красоты...

Э. Грунина.

СЧАСТЬЕ.

(Изъ Казимира Тетмайера).

О счастіи своемъ толпѣ не говори:
Оно, какъ птичка, нѣжно и пугливо,

Таи его въ душѣ, укрой въ своей груди,
Лелѣй его, но только молчаливо...

Спугнешь его, и, душу покидая,
Оно уйдетъ игриво и легко,
И, слезы грустныя въ душѣ своей ро-

ня, ты скроешь ихъ отъ свѣта далѣко.

И дерзкою мечтой его ты не буди:
Вспорхнетъ и больше не вернется.

О счастіи своемъ молчи... молчи
Пусть тамъ, въ душѣ оно смѣется...

Э. Грунина.

